

После двенадцатичасового перелета Му Е и Юй Сынянь наконец приземлились в Париже.

Сотрудник отеля уже заранее прибыл в аэропорт. После телефонного разговора Юй Сынянь повел Му Е в указанном направлении. Встречающий принял их багаж и первым делом открыл перед ними дверь машины.

По пути они проезжали мимо Триумфальной арки и Эйфелевой башни. Заметив, что Му Е смотрит в окно, водитель вкратце рассказал о достопримечательностях.

Юй Сынянь повернул голову к Му Е, готовый в любой момент перевести, но быстро осознал, что английский у того, по всей видимости, довольно неплох — по крайней мере, он полностью понимал слова гида.

Оплатив чаевые, Юй Сынянь закрыл дверь номера. Поскольку он не до конца был спокоен за Му Е, он решил забронировать люкс с двумя спальнями.

— Сначала выбери комнату, — Юй Сынянь достал из холодильника в гостиной две бутылки минеральной воды и протянул ту, которую уже успел открыть, Му Е.

— Мне всё равно.

— Такой комнаты здесь нет.

Услышав это, Му Е не стал больше церемониться. Он быстро осмотрел обе комнаты. На самом деле их размер и расположение были почти идентичны, однако картина на стене в левой спальне больше соответствовала его вкусу.

— Я хочу эту комнату.

Юй Сынянь кивнул и собственноручно занес туда его чемодан.

— Отдохни немного, а потом спустимся поужинать. Если не слишком устал, можем прогуляться.

— Хорошо, — с готовностью отозвался Му Е.

Отель располагался в очень удачном месте: с террасы можно было сверху созерцать Елисейские Поля. Му Е не терпелось отправиться на прогулку.

Юй Сынянь тоже заметил его предвкушение:

— Переоденемся и пойдем.

Они не пошли в знаменитые заведения, популярные у блогеров, а просто выбрали первый попавшийся ресторан с приятной атмосферой и сели за столик.

Юй Сынянь чувствовал, что у ребенка перед ним прекрасное настроение, воодушевление Му Е не угасало ни на миг с самого выхода из отеля. Глядя на него, Юй Сынянь и сам необъяснимым образом развеселился.

— Выпьем за наше приятное путешествие! — Му Е первым поднял бокал.

— За него!

Их путешествие и правда было очень приятным. Юй Сынянь не прогадал: Европа действительно подходила Му Е. А такая сокровищница искусства, как Франция, и вовсе стала для него родным домом.

Они подолгу задерживались в различных музеях и картинных галереях, Му Е постоянно зарисовывал или фотографировал предметы искусства, а Юй Сынянь в это время молча запечатлевал его самого.

Они вдвоем сидели на берегу Сены в ожидании заката, заранее купив в магазинчике неподалеку плед для пикника, закуски и пиво.

Юй Сынянь читал новую книгу, только что купленную в магазине «Шекспир и компания», а Му Е достал альбом для набросков и угольный карандаш.

Он работал быстро: несколькими штрихами набросал два улыбающихся лица — это была пожилая пара, сидевшая неподалеку. Затем он перелистнул страницу, и на бумаге постепенно проявились очертания Моста Искусств.

В конце концов Му Е запечатлел человека, сидящего рядом. В центре рисунка появились крупные руки с отчетливыми костяшками пальцев, и напоследок, поставив точку в виде маленькой родинки у основания безымянного пальца, Му Е снова закрыл альбом.

Он сделал глоток пива из банки. Сидя вот так на улице в чужой стране, в окружении незнакомых людей, слыша то и дело обрывки иностранной речи — понятной или нет, Му Е, возможно, должен был чувствовать толику беспокойства или одиночества. Но на деле не было ни того, ни другого.

В отличном настроении он покачивал ногами, ощущая в глубине души лишь покой и счастье.

Он легонько подтолкнул Юй Сыняня локтем и протянул к нему банку пива:

— За вас.

Юй Сынянь чокнулся с ним.

За закат, за рассвет.

За Францию, за Париж.

За всё то, что произошло внезапно, но так вовремя.

За нашу встречу.

Умывшись, Му Е принялся собирать чемодан: их маршрут по Франции подошел к концу, и завтра утром они напрямую отправлялись в Мадрид.

Приведя все вещи в порядок, Му Е накинул куртку и, взяв альбом, вышел на террасу. Он еще раньше решил, что обязательно должен нарисовать дерево внизу.

Поскольку времени было предостаточно, он с большим терпением прорабатывал детали рисунка. Из-за этого он совсем не заметил, как в тот момент, когда он, склонив голову, рисовал, на соседнюю террасу тоже кто-то вышел.

В перерыве между песнями Му Е вдруг услышал знакомый и одновременно чужой мужской голос. Он замер на мгновение, затем поставил музыку на паузу и поднял голову. Юй Сынянь стоял на другой стороне террасы, опершись на перила, и что-то говорил по телефону.

Голос собеседника должен был быть Му Е более чем знаком, однако Юй Сынянь в этот момент говорил не на мандаринском. Он изъяснялся на каком-то южном диалекте, в котором Му Е не понимал ни единого слова.

Но даже не понимая конкретного смысла, по реакции Юй Сыняня Му Е чувствовал, что этот разговор явно не задался, так как Юй Сынянь был на редкость взволнован.

Юй Сынянь всегда был человеком с крайне стабильной психикой — по крайней мере, в присутствии Му Е. Но сейчас его речь была быстрой, а тон — явно резким. Му Е смутно догадывался, что тот пытается в чем-то убедить человека на другом конце провода.

И, очевидно, его убеждения не увенчались успехом.

Юй Сынянь устало потер переносицу, и последняя фраза была произнесена им уже на мандаринском:

— Сколько тебе нужно денег?

Он быстро повесил трубку и принялся что-то делать в телефоне.

У Му Е не было времени строить догадки, он лишь мучился вопросом, как ему теперь поступить. Место, где он сидел, было освещено не слишком ярко, что, вероятно, и стало причиной, по которой Юй Сынянь его не заметил. Однако свою роль сыграло и то, что всё внимание того было поглощено разговором. И теперь, стоило мужчине повернуться в его сторону, он бы сразу его увидел.

Для Му Е также было крайне трудно встать, открыть дверь и вернуться в спальню, не потревожив при этом мужчину. В мгновение ока Му Е оказался в затруднительном положении.

Между людьми всегда должна оставаться тонкая вуаль приличия. Нагота иногда означает уродство, неподобающий вид или же уязвимость. И эта завеса должна приподниматься только по желанию самого человека, неуместная близость — это уже оскорбление.

Хотя это и не было преднамеренным, Му Е действительно вторгся в часть личной жизни Юй Сыняня. Му Е чувствовал вину и необъяснимое беспокойство, он не хотел, чтобы эта случайность испортила их отношения.

И как раз в тот момент, когда Му Е обдумывал лучший план действий, Юй Сынянь обернулся и «благополучно» встретился с ним взглядом.

Му Е одеревенело поднялся.

— Простите.

Юй Сынянь несколько секунд пристально смотрел на него, а затем, улыбнувшись, покачал головой:

— Это не твоя вина.

Му Е и Юй Сынянь сели вместе на ковер в гостиной.

Му Е облизнул губы:

— На самом деле я только что не понял ни слова.

— Диалект Линьчжоу очень сложен для понимания, в десяти ли от столицы уже говорят иначе, — Юй Сынянь с пониманием кивнул. Его состояние было спокойным, не было ни недовольства, ни отторжения, которых опасался Му Е, — словно он не считал это чем-то важным.

— Я всю жизнь прожил в горах и только после старшей школы научился говорить на мандаринском. — Юй Сынянь вспомнил, как Му Е раньше хвалил его безупречное произношение. — Моим преподавателем английского в университете был иностранец. На первом занятии мне пришлось трижды представляться, прежде чем он меня понял. — Юй Сынянь добавил: — Он не насмехался надо мной, он правда не понимал.

Юй Сынянь когда-то думал, что никогда и никому не скажет этих слов, или что, достигнув успеха, он давно забудет эти несущественные мелочи.

Но на самом деле всё прошлое до сих пор живо стояло перед глазами. Единственной удачей было то, что рассказывать об этом Му Е было не так уж мучительно.

— Я уже говорил тебе раньше, что у моих приемных родителей, помимо меня, было еще трое детей. — Юй Сынянь посмотрел на Му Е. — Не любопытно? Зачем им понадобилось усыновлять меня в такой ситуации?

Му Е понимал, что Юй Сынянь на самом деле не задает вопрос.

— Потому что все трое — девочки.

У Му Е сердце ушло в пятки.

— Из-за того, что они девочки, в представлении моих приемных родителей они были естественным образом лишены права наследования. Поэтому им нужно было найти меня — того, в ком нет ни капли их крови, чтобы я «продолжил их род». Позже я случайно узнал, что не являюсь их родным ребенком. Более того, они не были моими приемными родителями, — Юй Сынянь сделал паузу. — Пожалуй, слово «покупатели» подошло бы им больше.

Му Е мгновенно затаил дыхание.

— Я разорвал с ними отношения. Я считаю, что их забота обо мне брала начало в невежественном и злом акте грабежа, и я не обязан ничем платить им взамен. Однако мои сестры — такие же жертвы, как и я.

Они тоже были жалкими людьми, попавшими в жернова этой феодальной «бойни». Юй Сынянь был невинным товаром в этой сделке купли-продажи, но с самого детства он действительно невольно «отбирал» ресурсы у этих трех девочек. Пусть это и не было его волей, но на

протяжении долгих лет он действительно шел к вершине, ступая по их спинам.

— Все эти годы я поддерживаю с ними связь и оказываю им определенную финансовую помощь. Только что мне звонила старшая сестра: она хочет, чтобы я одолжил ей денег на помощь мужу в открытии бизнеса.

На самом деле денег, которые Юй Сынянь выделял им, было достаточно, чтобы они жили в полном достатке. Но его «зять» не был человеком, желающим вести спокойную жизнь. Юй Сынянь уже сбился со счета, какая это по счету попытка мужа сестры заняться бизнесом, он знал лишь то, что каждая предыдущая заканчивалась крахом.

— Я давно советовал ей развестись, но она не хочет, — лицо Юй Сыняня было спокойным. — Был период, когда я совершенно не мог её понять. Я не понимал, почему она просто не хочет выйти из этой клетки, которая лишь кажется благополучной. Не понимал, почему она не может стать чуточку трезвее, чуточку сильнее. Но позже я осознал: требовать от жертвы, чтобы она непременно прикладывала усилия и вырывалась из клетки — это тоже своего рода высокомерие. Ведь у неё просто не было возможности получить образование и шанс додуматься до этих вещей. Само мое существование отняло у них ресурсы.

— Это не твоя вина, — тут же сказал Му Е.

— Я знаю, — Юй Сынянь не собирался взваливать на себя абсолютно всю вину, но и от той части, которую он должен нести, он не хотел отказываться. — Однако «я не убивал Божэня, но Божэнь умер из-за меня».

Юй Сынянь знал, что он тоже жертва, но фактом оставалось и то, что само его существование ущемляло жизненное пространство других. Самая малозатратная милость для того, кто пользуется благами — это честно признать свое намеренное или невольное присвоение чужого и не принимать всё как должное.

Увидев грусть в глазах Му Е, Юй Сынянь снова улыбнулся.

— Я не настолько бескорыстен, — тихо произнес он. — Это тоже своего рода лицемерие. Я использую самое неважное для меня — деньги, чтобы купить себе душевный покой. Это я жульничаю.

— Вовсе нет, — резко перебил его Му Е. — Ты не лицемер.

Если бы целью было лишь облегчить совесть, Юй Сыняню достаточно было просто давать деньги. Ему не нужно было бы беспокоиться об их реальном положении, переживать или даже злиться из-за их выбора. И уж тем более не нужно было бы в такой зимний вечер терзаться из-за телефонного звонка.

— Юй Сынянь, — Му Е впервые так серьезно и официально назвал его по имени. — Ты просто очень-очень хороший.

Во взгляде Му Е не было ни тени сомнения — лишь твердость, искренность и капля нескрываемой боли за него. В этой запутанной истории прошлого Му Е не хотел разбираться, кто прав, а кто виноват, его не волновало, кто благороден, а кто невиновен. Для него всё это было неважно. Он просто не хотел, чтобы Юй Сынянь расстраивался.

Юй Сынянь осознал, что кто-то безоговорочно и вопреки всякой логике принимает его сторону. Он впервые почувствовал, что его любят больше других.

Юй Сынянь смотрел на Му Е, и в какой-то момент он ощутил некое нарушение ритма. Не слишком серьезное — просто в программе, которая всегда работала безупречно, произошла заминка на 0,01 секунды, после чего всё вернулось в норму.

Но эта заминка в 0,01 секунды запечатлелась навсегда. Программа больше не могла продолжать работать идеально точно.

В какой-то части его души Му Е действительно пробил брешь.

Му Е обнял Юй Сыняня.

— Виноват не ты, господин Юй. Не грусти.

Это было едва уловимо, но Юй Сынянь мог с уверенностью сказать: в ту секунду, когда Му Е обнял его, чувство, кружившее в его сердце, определенно не было грустью.

— Давай я поделюсь с тобой одной мелочью? — Му Е прижался к плечу Юй Сыняня, так же открывая свою спину. — На самом деле Му Цзэ ненавидит меня не без причины. Иногда я тоже бил его, когда рядом не было ни родителей, ни прислуги.

В те моменты, когда Му Цзэ рвал его рисунки или тайком лил воду на его кровать.

— Но даже несмотря на это, я всё равно хороший ребенок, правда?

Долго не получая ответа, Му Е в неуверенности собрался было отстраниться, но в следующее мгновение почувствовал, как Юй Сынянь еще крепче сжал его в объятиях.

— Му Е, ты — самый лучший.